

УДК 914/919

DOI 10.52575/2712-7443-2024-48-2-271-288

Роль пространства в трансформационной модели российской экономики

Гладкий Ю.Н.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48
E-mail: Gladky43@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы использования пространства в трансформационной модели российской экономики. Подчеркивается, что это понятие вмещает в себя значительно больше смыслов, чем обычно вкладывают в него отдельные авторы и составители официальных документов. Пространство – еще среда обитания, качество жизни, экологическое состояние, этническая родина, а также геополитические и геостратегические интересы федеративного государства. Отстаивается многомерность определения модернизации с идентификацией многих критериев, включая пространственный. Анализируется содержание стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года, во многом ориентированной на западные рынки. Уточнение смысла понятий «пространство» и «модернизация» сопровождается увязкой этих категорий с конкретной территорией. В связи с новой геостратегической ситуацией и реализацией идеи «Восточного поворота» привлекается внимание к процессу создания в Сибири и на Дальнем Востоке территорий опережающего развития (ТОР) для привлечения внешних инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения. Географическая близость России и Китая, а также во многом совпадающие их геополитические интересы, способны стать мультипликатором эффективности такого освоения.

Ключевые слова: пространство, модернизация, стратегия пространственного развития, азиатские приоритеты, Китай, Дальний Восток, провинция Хейлунцзян, пограничная торговля

Для цитирования: Гладкий Ю.Н. 2024. Роль пространства в трансформационной модели российской экономики. Региональные геосистемы, 48(2): 271–288. DOI: 10.52575/2712-7443-2024-48-2-271-288

The Role of Space in the Transformational Model of the Russian Economy

Yuriy N. Gladkiy

Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Embankment, St. Petersburg 191186, Russia
E-mail: Gladky43@rambler.ru

Abstract. The issues of using space in the transformational model of the Russian economy are considered. It is emphasized that this concept contains much more meanings than individual authors and drafters of official documents are used to putting into it. Space is also the habitat, quality of life, ecological status, ethnic homeland, as well as the geopolitical and geostrategic interests of the federal state. The multidimensionality of the definition of modernization with the identification of many criteria, including spatial, is defended. The content of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation

for the period up to 2025 is analyzed, largely focused on foreign markets, are articulated. In addition to clarifying the concepts of "space" and "modernization", an attempt is being made to link these categories with a specific territory. In connection with the new geostrategic situation and the implementation of the idea of the "Eastern Turn", attention is drawn to accelerating the process of creating territories of advanced development (TAD) in Siberia and the Far East to attract foreign investment, accelerate economic development and improve the lives of the population. The geographical proximity of Russia and China, as well as their largely overlapping geopolitical interests, can become a multiplier of the effectiveness of such development.

Keywords: space, modernization, spatial development strategy, Asian priorities, China, Far East, cross-border trade

For citation: Gladkiy Yu.N. 2024. The Role of Space in the Transformational Model of the Russian Economy. *Regional geosystems*, 48(2): 271–288. DOI: 10.52575/2712-7443-2024-48-2-271-288

Введение

Теоретические контуры модели российской экономики в первые постсоветские десятилетия оставались крайне расплывчатыми. Утверждения о ее монетаристской природе, которые постоянно сопровождали выступления творцов экономической политики, манипулировавших реформами в области денежной и кредитной политики, мало соответствовали действительности. Во всяком случае, они далеко не совпадали со взглядами М. Фридмана [1998] – американского экономиста, в 1976 году получившего Нобелевскую премию именно за исследования в области потребления, монетарной политики и сложностей стабилизационных реформ.

Вкратце, суть расхождений сводилась к тому, что «классические» монетаристы традиционно противятся использованию активной денежно-кредитной политики в целях «точной настройки экономики». Они делают акцент на весьма длительные тренды, полагая, что закономерности последних существенно отличаются от кратковременных колебаний в экономике. Вот почему академик Минакир П.А. (авторитетный отечественный представитель не только региональной экономики, но и экономической географии) справедливо ставил под сомнение тесную связь российских реформ с монетаризмом. Он полагал, что с учетом кратковременного характера осуществленных экономических преобразований в постсоветские десятилетия, «более отвечающей существу дела должна бы была рассматриваться теория Кейнса» [Минакир, 2001], сердцевиной которой является, как известно, существенная роль государства. (Кстати, в 1999 году журнал «*Time*» включил Кейнса в число самых важных людей XX века).

В любом случае суть модернизации, согласно материалистическому пониманию общества, теснейшим образом связана с экономикой – его базисом. Это аксиома. Однако разрыв, например, в цепи «экономика – мораль, нравственность, образование, религия и т.д.» подсказывает, что содержание этого понятия значительно емче. Важен и тот факт, что, несмотря на встречающиеся в литературе утверждения о наличии специальной теории модернизации, в реальности ее не существует. Имеются многочисленные модернизационные концепции, которые действительно активно разрабатывались учеными стран Западной Европы и США, особенно в середине прошлого столетия.

Неприемлемые траектории экономического развития последних десятилетий заставили либеральных реформаторов заняться поиском новых спасительных ресурсов для прекращения затянувшейся стагнации отечественной экономики. Сетование на неблагоприятные внешние причины (волатильность цен на экспортное сырье, санкционная политика стран Запада, дефицит дешевых денег для инвестиций и др.) все чаще стало расцени-

ваться экспертным сообществом как стремление затушевать не менее важные внутренние причины стагнации (малоэффективная денежно-кредитная и инвестиционная политика, низкая производительность труда, слабость внутреннего спроса, некачественный менеджмент и т.д.).

Не случайно, одним из главных «спасительных» ресурсов вдруг стало пространство – географический «инструмент», традиционно недооценивавшийся (если не презиравшийся), считавшийся в целом пассивным фактором экономической деятельности, поскольку свободный рынок, дескать, сам в состоянии оценить истинную ценность места. «Вчерашние «гонители» региональной экономической политики, превратившиеся в наиболее рьяных адептов пространственной идеологии и возглавившие официальный «поворот к регионам», просто воспользовались хорошо освоенной неолиберальной методологией» [Пространственные трансформации ..., 2002; Минакир, 2016]. При этом игнорировался тот факт, что понятие «пространство» вмещает в себя значительно больше смыслов, чем привыкли вкладывать в него составители официальных документов.

Показателен тот факт, что «спасение» в пространстве увидели те младореформаторы, в распоряжении которых имелись более действенные, но мало практиковавшиеся или неиспользовавшиеся вообще рычаги активизации макродинамической ситуации в стране. Настаивая на концепции поляризованного развития России, они долгие годы продолжали реализовать чуждую интересам страны политику МВФ, созданного, как известно, по решению Бреттон-Вудской конференции в 1944 году для укрепления стабильности мировой (!) валютно-финансовой системы [Глазьев, 2015].

Цель статьи состояла в том, чтобы идентифицировать специфическую роль пространства в трансформационной модели национальной экономики в условиях объявленных коллективным Западом антироссийских санкций. На примере Восточного вектора российской политики показано, что подобная роль пространства как ресурса развития во многом ассоциируется с «отложенным» ростом экономической эффективности (подобно Транссибу) и способна в будущем принести стране очевидные дивиденды как в экономической, так и социальной сфере.

Поскольку в структурном отношении геопространство традиционно связывается с его таксономическими сегментами – регионами, представленная работа, на наш взгляд, соответствует тематическому позиционированию журнала.

Объекты и методы исследования

В качестве объектов исследования выступают, во-первых, феномен географического пространства – как совокупность отношений между географическими объектами в пределах географической оболочки, и, во-вторых, трансформационные модели российской экономики, отражающие (или, напротив, игнорирующие) пространственные детерминанты социально-экономического развития страны и укрепления национальной безопасности. Таким образом, поставленная задача носит дуалистический характер: анализу роли пространства в процессе модернизации отечественной экономики предшествует расширение представлений о многомерности самого феномена «модернизация».

Методологию работы составили ряд общетеоретических, общеметодологических, междисциплинарных подходов и научных методов исследования, таких как системный, эволюционный и структурно-функциональный подходы к трактовке геопространства; контекстный и институциональный анализ процесса модернизации, сравнительно-географический метод и др.

Теоретическая основа и информационная база исследования представлена трудами авторитетных отечественных и зарубежных ученых по общественной географии, региональной экономике, политологии и т.д., а также национальным документом «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Результаты и их обсуждение

О полисемии категории «пространство».

Географы не столь самонадеянны, чтобы ставить под сомнение общенаучное толкование понятия «пространство» (как и понятия «время»), которое формируется в рамках философии. Однако обыденное и тем более прикладное понимание пространства имеет мало общего с философским содержанием этой категории. Иногда можно встретить упоминания не только о географическом или экономическом пространстве, но и социальном, биологическом, геологическом, геополитическом и многих других, в том числе достаточно «экзотических», видах пространства.

Естественно, в нашем контексте наибольший интерес представляет понятие «геопространство», хотя немаловажное значение имеют и другие виды пространства: экономическое, социальное, культурное, экологическое, геополитическое и т.д. Анализ мировой научной литературы показывает, что единое определение такой употребительной категории, как «экономическое пространство» фактически не сформировалось, (главным образом, из-за отсутствия единой концепции исследования экономического пространства как объекта экономики). Распространено представление о нем как организованной среде, возникающей в результате взаимодействия материальных субъектов на определенной территории или в рамках определенного региона. Известно также, что конкуренция субъектов за экономическое пространство порождает экономическую границу. Но, эти аксиоматические конструкции не служат инструментом эффективного экономического анализа.

В экономической географии это понятие, как одно из ключевых в региональной науке, сравнительно давно изучается в онтологическом и эпистемологическом плане, что в ряде случаев представляет собой попытки достаточно серьезного анализа вполне конкретной области знания, связанной с пространством [Tuan, 1977; Harvey, 2006; Replh, 2008; Шупер, 2011; Замятина, Пилясов, 2013; Смирнягин, 2016; Сухоруков, Гладкий, 2021; Diao, 2021; Seamon, 2023; и др.]. При этом экономический регион, будучи лишь частичным сегментом геопространства, нередко объемлет все содержание стратегии государственного развития, что, как правило, является малооправданным.

Одной из отличительных особенностей российского экономического пространства является множество разнокачественных ограничений, возникающих при реализации политики формирования крупных городских агломераций и периферических зон концентрированной вокруг них экономической деятельности. В подавляющем большинстве рыночно развитых стран изохроны 1–4-часовых поездок охватывают практически всю их территорию, в то время как в России создание известных мегапроектов по строительству магистральных скоростных автомобильных и железных дорог вряд ли можно ассоциировать с национальной пространственной стратегией. Есть основания полагать, что наличие таких мегапроектов в нашей стране не только не в состоянии гарантировать преодоление фрагментарности экономического и социального пространства, но еще более его усилит [Минакир, Демьяненко, 2014; Минакир, 2018].

Спектр возникающих ограничений дополняется и контрверзой, возникающей при реализации принципа формирования экономик субъектов Федерации как финансово-экономически самодостаточных субъектов национальной экономики, с одной стороны, и попытках конструирования некоего «поляризованного пространства», в котором отдельным субъектам «почетное» место вовсе не гарантируется, – с другой. Приведем в этой связи резкое, но не беспочвенное мнение П.А. Минакира: «В России городские агломерации пока играют роль «черных звезд», всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит к все более сильному искривлению пространства» [Минакир, 2016]. Заметим: речь идет о нынешней ситуации, а не о той, которая еще более обострится в результате проведения политики гиперурбанизации.

Нет в литературе консенсуса и в отношении родственного понятия «пространственные ресурсы». Основными недостатками предлагаемых его интерпретаций являются:

- а) акцент лишь на парциальные полезные свойства пространства и игнорирование его значение, как условия существования всех объектов в природе;
- б) рассмотрение лишь площадных характеристик поверхности планеты и абстрагирование от пространственных контуров самих исследуемых объектов;
- в) абстрагирование от возможностей освоения новых источников пространственных ресурсов и т.д. [Умнов, 1996].

Поскольку ресурсы ассоциируются с запасами или источниками получения необходимых людям материальных или духовных благ, то уязвимым местом едва ли не каждой дефиниции «пространственные ресурсы» остается роль эмоционально-чувственной сферы человека, включая чувство его безопасности. Ясно, что геопространство включает не только природные феномены, но и разнообразные артефакты и ментифакты экономического, социального и даже геодуховного порядка.

Умнов В.А. полагает, что наиболее близкое к понятию пространственных ресурсов – земельные ресурсы, представляющие собой (согласно ГОСТ 17.51.05-80) используемые или пригодные к использованию для конкретных хозяйственных целей и отличающиеся по природно-историческим признакам (ресурсы пахотных земель, ресурсы всех сельскохозяйственных угодий, а также территориальные ресурсы). Однако степень близости – понятие относительное, и приданный акцент данного автора вряд может быть охотно воспринят научным сообществом, хотя бы потому, что он отмежевывается от геополитического, геоэкономического, акваториального, геологического и некоторых других смыслов.

Теоретические представления о роли пространства в экономическом и социальном развитии государств отражают мнения многих авторитетных авторов. Не следует забывать о том, что уже классические работы А. Смита и Д. Риккардо по политической экономии были «пропитаны» пространственным «духом», отражавшим взаимодействие национальных экономических систем, локализованных в пределах определенных территорий. Географам и экономистам (регионоведам) хорошо известна концепция А. Леша, исходящего из наличия упорядоченного пространства, представлявшего собой систему рыночных сетей, которые в свою очередь формировались благодаря главному городу как центральному узлу всей системы. Достоинством концепции А. Маршалла о пространственном развитии является учет экстерналиев – то есть выгод и издержек, образующихся в результате самоорганизации или целенаправленной организации существующего рыночного пространства [Маршалл, 1984].

Можно привести немало примеров других теоретических конструкций (В. Кристаллера, Т. Хагерстранда, Ф. Перру, Ж. Будвилля, М. Портера и др.), нацеленных на решение задач эффективного использования фактора пространства за счет концентрации экономической деятельности в пределах избранных территорий, используя при этом выгоды от использования экстерналиев и т.д. Но возможности прикладного использования этих и других теоретических конструкций ограничены рядом таких условий и взаимосвязей, как:

- тип экономической среды (конкурентный рынок, централизованное или псевдоцентрализованное планирование);
- тип конкуренции (совершенная конкуренция, несовершенная конкуренция, плановый арбитраж);
- характер географических пространств (плотное или разреженное пространство);
- степень сложности структуры экономической деятельности в пространстве;
- тип рыночных районов/зон (эволюционные или программные, экономические или административные);
- цели государственного регулирования [Минакир, 2018].

По этой причине разнообразие элементов инвестиционного потенциала любой территории свидетельствует о неприемлемости большинства известных теорий в качестве шаблонного алгоритма для социально-экономического развития.

В любом случае оценка пространства как ресурса развития не может замыкаться на расчетах экономического потенциала. Как отмечалось выше, пространство обладает определенной геополитической и геостратегической ценностью, экологической емкостью, степенью комфортности для жизнедеятельности населения и т.д. Экономика, являясь неизменно важной сферой человеческой деятельности, включающей процессы общественного производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ, не охватывает всего спектра возможностей использования пространства и управленческой деятельности государства.

Для иллюстрации этой мысли вполне репрезентативной может служить работа неизвестных Ф. Хилл и К. Гэдди «Сибирское проклятие: как коммунистическое планирование забросило Россию в холод» [Hill, Gaddy, 2003], в которой утверждается, что развитие России пошло бы лучшим путем, если бы ее развитие осуществлялось на основе рыночной, а не плановой экономики. Игнорируется, прежде всего, тот факт, что освоение холодной Сибири с конца XIX в. во многом диктовалось военными соображениями (военной формой индустриализации), а не только экономическими или социальными. Имел место типичный случай государственной оценки пространства с геополитической и геостратегической позиций, чего так не хватало западным авторам, исследовавшим и моделировавшим пространственные эффекты с экономической и частично – социальной точек зрения.

Возвращаясь к слишком «вольной» трактовке чиновниками понятия «пространство», еще раз подчеркнем: все процессы (в том числе ментального свойства, нелокализуемые макроэкономические параметры – темп инфляции, курс валюты, учетная ставка и пр.) происходят в пространстве. «Из этого следует, что какой-либо специфической цели функционирования и развития системы «пространство» не существует...» [Минакир, 2018]. Поэтому какой-то особой «спасительной функцией», без четкой обозначенной цели и указания конкретного ресурса развития, пространство не обладает (за исключением разве тех случаев, когда в результате форс-мажорных обстоятельств население нуждается в срочном переселении).

О многомерности модернизации.

Согласно оксфордскому словарю английского языка, модернизация (сам термин появился в английской печати в 1770 году) предполагает трансформацию (реформирование) той или иной системы с целью ее усовершенствования. То есть, она представляет собой производный феномен от реализации теоретических и стратегических замыслов (причем, не только в экономике).

Помня об уникальной полисемии понятия «модернизация», объемлющей разнокачественные проблемы, природы и общества, логично поддержать идею именно многомерности (многовариантности) определения термина «модернизация» с выделением, кроме экономических и социальных критериев, также географических, исторических, культурно-цивилизационных и других аспектов, часто остающихся вне сферы внимания экономистов. Но разработчики «моделей» модернизации все же чаще кладут в их основу экономические параметры, с которыми ассоциируются все известные теории («стадий экономического роста» У. Ростоу, концепции «зависимого развития» от индустриально развитых стран и теории империализма, идеи Г. Мюрдаля, «полюсов роста» Ф. Перру и Ж. Будвилля, опоры на собственные силы (*self-reliance*) и многие другие).

Хотя отечественным моделям модернизации в постперестроечные годы была присуща многовекторность, в качестве базисного вектора, естественно, выбиралась экономика. (Стоит отметить, что разработка некоторых моделей экономики в период кризиса ве-

лась коллективом из Вычислительного Центра РАН по заказу Центрального банка, деятельность которого подвергалась и подвергается небезосновательной критике).

В книге И.Е. Дискина «Кризис... И всё же модернизация!» [2009], помимо одной из самых злободневных проблем – перехода к модернизации России в условиях острого кризиса и выявления специфики отечественной версии модернизации, приводится множество теорий социально-экономического развития, сильно различающихся как дисциплинарным подходом, так и предметным фокусом. Автор справедливо сравнивает любую теорию модернизации (в т.ч. теории отставания и догоняющего развития) с линейной моделью, фиксирующей уровень «отставания» конкретной страны. В свою очередь отставание в большинстве случаев им ассоциируется с традиционным аграрным обществом, неграмотностью, традиционными ценностями и ожиданиями населения, слабым уровнем разделения труда, недостатком коммуникаций и инфраструктуры и т.д.

В рамках наиболее распространенных «дуалистических» теорий, предполагающих расщепление экономических и социальных структур на «модернизованный» сектор (эквивалент рыночно развитых стран) и «традиционный» (потребительское сельское хозяйство, ремесленничество и т.д.), упомянутым автором рассматривается постепенное «растворение» традиционного сектора в ходе концентрации и развития модернизованного сектора. Авторы так называемых «стратегических теорий» по Дискину исходят из того, что неразвитость – это следствие низкого уровня производительности труда из-за дефицита капитала, что является результатом недостаточных сбережений населения по причине опять-таки низких доходов. Здесь налицо замкнутый круг.

Проследим ход мыслей другого автора – известного интерпретатора модернизации России А.Г. Вишневого (бывшего директора Института демографии ГУ ВШЭ), с одной стороны, не лишенных глубоких обобщений, с другой – тяготеющих к «пристани» либеральных идей 1990-х годов. Нет причин возражать против того, что феномен модернизации способен порождать многие «ловушки» (как следствие догоняющего развития) и приводить, в частности, к разбалансировке и даже торможению модернизационного процесса в случае асинхронности модернизационных изменений в обществе. Пожалуй, справедливо мнение также о том, что нынешняя Россия действительно может оказаться в «ловушке» догоняющей и селективной модернизации из-за «рассогласования обновляемого и консервированного сегментов, по его выражению, единого «социального тела». Однако некоторые акценты, расставляемые Вишневым, все же требуют уточнения [Вишневский, 2010]. Он полагает, что, из-за отсутствия «институциональной и культурно-психологической среды» западного образца, стране пришлось опираться на архаичные социальные формы и «ветхого человека». По его мнению, лишь в странах западной культуры модернизация оказалась правильной, «сбалансированной», «эндогенной», без единого упоминания о роли разного рода санкций, рестрикций, эмбарго и прочих табу в отношениях с Россией. Конечно, модернизация как масштабное и всеохватывающее преобразование всех сторон общества – порождение западноевропейской цивилизации. Она неотделима от рационалистической культуры «модернити», порожденной эпохой Ренессанса. И в этом смысле модернизационные процессы в России не «вырастали» из глубин народной жизни, оказывались подчас спонтанными, «экзогенными» [Красильщиков, 1996].

Вполне уместен и такой вопрос: в какой степени оказались «разбалансированными» модернизационные процессы в КНР, странах Персидского залива и других государствах, никогда слепо не заимствовавших образцы стран западной культуры? И как бы интерпретатор модернизации собственной страны прокомментировал радикальный подход бывшего премьера Малайзии, как-то заявившего, что «азиатские страны могут и должны проводить модернизацию без принятия всех или хотя бы части ценностей европейской цивилизации» [Дунаева, 2003].

Свою лепту в «углубление» представлений о путях модернизации нашей страны внес Г.А. Явлинский, (соавтор программы для России «500 дней», о чем откровенно

поведал ее подлинный автор – Сорос [1999]). Не блещущие «гениальностью» его рецепты выхода страны из кризиса, изложенные, в частности, в статье «Демодернизация России» [Явлинский, 2002] представляли собой сумму набивших оскомину либеральных штампов, как то: «демодернизация» страны и «деградация общества»; «формирование полицейского государства»; «обеспечение президентом либеральных свобод»; «формирование правительства, не связанного с корпоративными кланами» и т.п. Ну и, конечно же, неотъемлемым ингредиентом политики модернизации в России, по Явлинскому, должна быть соответствующая реакция общества, представляющего в данном случае не как пассивная и аморфная масса, а как гражданское общество.

Можно анализировать многие другие варианты модернизации России [Манченко, 2000; Дунаева, 2003; Рашковский, 2003; и др.], предлагавшиеся как маститыми экономистами и политологами, так и представителями либеральной интеллигенции, изобретающими подчас фатальные вердикты ее неизбежного «краха». Один из наиболее даровитых российских аналитиков – В. Иноземцев, в своем знаковом труде «Несовременная страна. Россия в мире XXI века» [Иноземцев, 2018], полагает, что несовременность России носит настолько фундаментальный характер, что нужны исторические потрясения или системные изменения, которые способны сменить тренд, который был задан ...со времен татаро-монгольского нашествия.

Рецепт ясен и прост. Продвигая тривиальную истину о том, что «продавать газ и нефть, а в обмен получать, начиная от медикаментов и заканчивая высокими технологиями, стратегия опасная», Иноземцев также умалчивает о яростной многовековой борьбе (не только экономической) коллективного Запада против «несовременной» страны, будто эта истина ему вовсе не известна, как неизвестен факт, например, о наличии немецкого, английского, французского, итальянского и турецкого кладбищ в одном лишь Севастополе. Кстати, не нужно быть ясновидцем, чтобы признать Россию несовременной страной. Она, действительно, отличается от многих стран с развитой рыночной экономикой. Но Иноземцеву не стоило уклоняться от вразумительного философского обоснования придуманного им статуса России и не забывать поинтересоваться на этот счет общественным мнением просвещенных россиян. Такому носителю духовных ценностей, каким он является, вряд ли стоит напоминать, что цивилизованный античный мир Греции и Рима рухнул не в последнюю очередь из-за падения нравственных устоев и морали, а также прозрения О. Шпенглера о будущем Европы или замечание М. Хайдеггера о том, что лишь в XX веке «европейское Новое время впервые начинает разворачиваться на всем земном шаре и одновременно завершаться...» [Хайдеггер, 2010]. Или для него мнения этих авторитетных философов – лишь «магическая пыль» культурно-цивилизационной динамики?

Итак, памятуя об уникальной полисемии науки, объемлющей разнокачественные проблемы природы и общества, логично поддержать идею именно многомерности (многовариантности) определения термина «модернизация» с выделением, кроме социально-экономических, также исторических, географических, культурно-цивилизационных и других аспектов модернизации, обычно остающихся вне сферы внимания исследователей [Дунаева, 2003]. Речь идет о всеобъемлющем, исторически растянутом процессе, включающем в себя большую совокупность подпроцессов, охватывающих различные сферы жизни общества, изменения в которых связаны между собой и коррелируют друг друга [Модернизация: зарубежный опыт ..., 1994]. Кстати, ипостасей общественной жизни еще больше упомянутых, если учесть экологическую, идеологическую, геополитическую, демографическую и *пространственную*, представляющую в данном случае особый интерес и отражающую хотя и базовый, но все-таки парциальный вектор географического исследования.

Пространство – инструмент модернизации или ее имитации?

Известно, что цели, заложенные в декларациях, имеющих правительственный ста-

тус, редко бывают неприемлемыми – ведь «дьявол» таится в методах целеполагания и оценки самого результата. Реальный экономический и социальный вес таких документов обычно определяется качеством их идеологии, гипотезами, за мерами результативности без использования методологически «грязных» инструментов. В данном случае речь идет о «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» [2024].

Этот документ, имеющий стратегический характер для страны и готовившийся по заказу Министерства экономического развития, вызвал горячее недоумение в экспертном сообществе (хотя в ряде источников он удостаивался безоговорочного одобрения). Отмечалось, что он готовился практически кулуарно, без надлежащей экспертизы, без приглашения наиболее авторитетных представителей региональной науки. Серьезные недостатки документа, которому приписывалась «судьбоносная» роль, были озвучены, главным образом, экспертами экономических институтов, а также непрофильных учреждений с участием специалистов.

Зримые «огрехи» проекта еще были отмечены экспертами круглого стола, состоявшегося в Общественной палате в 2018 году. По мнению многих участников в документе туманно были очерчены приоритеты, цели и задачи регионального развития, контуры будущей системы расселения и т.д. По мнению аудитора Счетной палаты РФ Ю. Росляка: «Беда документа состоит в том, что нормального стратегического планирования еще не создано. Это декларация о намерениях без каких-либо реальных подсчетов и цифр, без определения цели прорывного развития. Этот документ обсуждается с марта, но по существу он не меняется». Подобный вердикт документу вынес и научный руководитель Института водных проблем РАН, академик В. Данилов-Данильян: «Представленную стратегию нужно переработать радикально». Но этого, естественно, не произошло. Итоги обсуждения подвел глава Общественной палаты В. Фадеев: «У нас состоялось чрезвычайно содержательное обсуждение, которое показало, что, кажется, у нас сегодня нет проекта Стратегии пространственного развития» [Общественная палата..., 2018].

В докладе Общественной палаты содержалась мысль, что развитие страны возможно только через развитие провинции. Между тем, авторы Стратегии фактически абстрагировались от анализа этой проблемы, будто жители сельской местности уже «завтра» переселятся в мегалополисы. Эксперты ОП отмечали, что по состоянию на 2018 год 32 % сел не имели газового снабжения, 28 % – водоснабжения, 29 % испытывали проблемы с вывозом мусора, а 11 % – даже с электроснабжением. Кроме того, 49 % сел не имели центров дополнительного образования детей, 48 % – спортплощадок, 40 % – интернета, не говоря уже об извечной проблеме канализации.

Глубокая и беспристрастная оценка Стратегии была дана также П.А. Минакиром в его работах: «Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения?» [Минакир, 2016], «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики» [Минакир, 2018] и др. Им были поставлены относительно простые, но принципиальные вопросы: является ли представленный проект действительно стратегией? что подразумевается в этом проекте под пространственным развитием? как соотносится этот проект с каноническими концепциями пространственного развития?

Авторитетный критик резонно полагал, что перечень намерений, изложенных в документе (развивать человеческий капитал, ускорять темпы роста, обеспечивать безопасность и др.), не вполне ассоциируется с совокупностью решений и действий, направленных на достижение некой цели. А коль намерения являются «столь правильными, сколь и абстрактными», то использование самого термина «стратегия» в данном случае, действительно, сомнительно. Особенно впечатляет радикальная мысль критика, в которой речь идет о функциональной роли слова «пространственное», которое, по его мнению, может «вообще быть исключено» из названия Стратегии, поскольку декларируемые намерения авторов вообще не требуют его использования (!).

Сторонники официально утвержденного правительством Документа утверждают, что он отражает сразу несколько моделей развития страны, в том числе – поляризованную и выравнивающую. Касательно поляризованной спору нет – ее апологеты среди «младореформаторов» давно пропагандируют идеи французских ученых Ф. Перру и Ф. Будвилля [Перру, 2007], разработывавших концепции полюсов и центров роста. Но в России крупнейшие агломерации, действительно, слабо генерируют «стимулы развития на периферии» [Минакир, Демьяненко, 2014]. К тому же, переток населения в агломерации вполне может обернуться «великим переселением евразийских народов» с постепенной утратой их этнокультурной идентичности. Такая перспектива вряд ли будет приветствоваться этническим социумом.

Что же касается «выравнивающей» модели развития, которую якобы отражает Стратегия, то ее позитивные функции вызывают большие сомнения и, по мнению многих экспертов, как раз обратно пропорциональны поляризованной модели. Создается впечатление, что упоминание о «выравнивающей модели» делалось в качестве опережающего ответа на критику именно едва ли не самого уязвимого места Стратегии.

Жизнеспособная стратегия пространственного развития страны, резюмирует Минакир, «должна опираться не на одни только экономические стратегии. В противном случае, национальная стратегия неизбежно превратится в сводку региональных разверток отраслевых проектировок, что вполне соответствует содержанию советского территориального планирования. С теоретической точки зрения это означает признание субъектов РФ не пространственными квантами общественной системы, но «региональными корпорациями» [Минакир, 2016].

Итак, серьезная критика Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года возникла не на пустом месте. Документ, действительно не мог являться идеологическим каркасом национальной региональной политики, особенно когда «окна-девелоперы» в Европу фактически оказались «захлопнутыми» на неопределенное время.

Другой важный вывод состоит в том, что экспертное общество страны, прежде всего представители региональной науки, несомненно, обязаны умножить усилия в помощи государственным органам в выработке более сбалансированной стратегии пространственного развития, которая преследовала бы цель синхронизации центробежных и центростремительных эффектов социально-экономического развития с учетом федеративного устройства страны, культурно-этнического и конфессионального состава населения, интересов национальной безопасности и т.д.

Пространство в контексте азиатских приоритетов России.

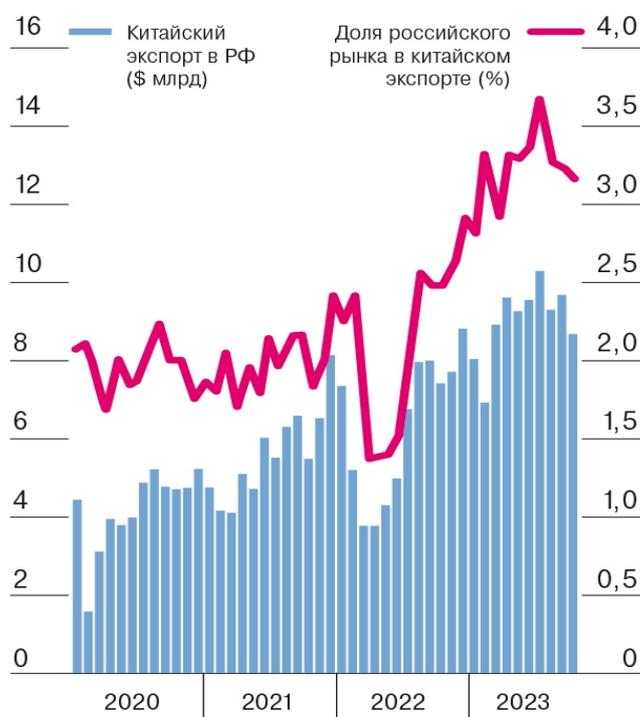
Многообещающая роль пространства как универсальной, топографически жестко «непривязанной» категории, в многомерной трансформационной модели российской экономики наглядно иллюстрируется стратегией «поворота России на Восток» – одной из самых популярных тем в российском политическом и медийном дискурсе последних лет [Концепция приграничного, 2001; Муратшина, 2017; Воронин, 2022; Караганов, 2024; и др.].

Как известно, экзистенциальная идея необходимости такого сдвига на Восток у России возникала и в прошлые эпохи, но лишь нынешний санкционный «блицкриг» Запада и сложившаяся геостратегическая ситуация настоятельно потребовала вспомнить о восточных корнях нашего государства через опережающее социально-экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Эти обширные пространства (прежде всего, Зауралье, юг Средней Сибири и Приморье) служат в данном случае естественным природным капиталом, использование которого уже положено в основу стратегии реализации Восточного поворота [Боровикова, 2023; Караганов, 2024; и др.]. Уместно напомнить, что еще в 2012 году Президент РФ В.В. Путин в своей программной статье писал о «шансе поймать

китайский ветер в паруса российской экономики» [2012], а ведущие эксперты Валдайского клуба тогда же в своем докладе «К Великому океану» призвали переориентировать российскую внешнюю политику и экономику на страны Тихоокеанского региона.

Кстати, дискуссия о переносе центра американской геополитики и геоэкономики из Атлантики в этот же регион давно ведется и в Старом Свете. В случае реализации политики такого разворота, усилия РФ по ускоренному развитию Дальнего Востока гипотетически могут осложниться, так как Китай заинтересован в емком американском рынке. Вместе с тем, богатые природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, сравнительно низкие транспортные издержки и успешное развитие интегративных российско-китайских институтов позволяют прогнозировать плодотворное течение процессов наметившегося партнерства. Кроме того, глубокая перестройка транспортных потоков и логических цепочек затрагивает сегодня и другие страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии.

Естественно, что проблема межгосударственного торгово-инвестиционного сотрудничества и активизации экономической деятельности региона ассоциируется прежде всего с Китаем, на что фокусируют внимание многие как российские [Александрова, 2020; Гемуева, 2021; Суслов, 2022; Бакланов, Ларин, 2023; Бризицкая, 2023; и др.], так и китайские исследователи [Чжао, Гордячкова, 2021; Diao, 2021; Фу, 2022; Цзоу, 2022]. Мониторинг отечественной экономики показывает, что по итогам 2023 года доля КНР в российской торговле достигла почти 1/3 ее объема (рис.). По данным главного таможенного управления РФ, торговый оборот двух стран за год увеличился на 26,3 %, достигнув рекордного показателя – 240,11 млрд долл. За 2023 год экспорт из Китая в Россию увеличился на 46,9 % и превысил 110 млрд долл. Российский экспорт в Китай по сравнению с 2022 годом вырос на 12,7 %, достигнув 129,13 млрд долл. [Товарооборот России и Китая ..., 2023]. К сожалению, РФ для КНР остается гораздо менее значимым торговым партнером – ее доля в товарообороте восточного соседа составляет лишь около 4 %.

Ежемесячные объемы поставок китайских товаров в РФ [Боровикова, 2023]
Monthly volumes of Chinese goods supplies to the Russian Federation [Borovikova, 2023]

Главные направления инвестиционной деятельности Китая на Дальнем Востоке общеизвестны: деревообрабатывающая промышленность, добыча металлических руд и нерудных полезных ископаемых, производство стройматериалов, сельское хозяйство, участие в развитии нефтегазохимической индустрии. Нетрудно видеть, что перевес китайских инвестиций наблюдается в сторону проектов сырьевой направленности, что далеко не всегда совпадает с интересами РФ [Луконин, 2023; Луконин, Чже, 2023]. В этой связи эксперты часто сетуют на отсутствие желания великого соседа инвестировать средства в развитие электроники и телекоммуникационного оборудования в РФ, не замечая того факта, что на его долю приходится, например, всего 4 % мирового производства микросхем, где лидерами рынка остаются США – 54 %; Южная Корея – 22 %, Тайвань и Япония – по 6 % [Боровикова, 2023]. В этой связи технологические компании КНР исходят из того, что потеря чипов из США в нынешних условиях окажется для них реальной катастрофой [Китай отказывается..., 2022].

Не углубляясь в состояние подобного сотрудничества (его детальный анализ не обделен вниманием авторов), сконцентрируем внимание на пространственном аспекте трансграничных межрегиональных связей. Важно учитывать, что оно становится не только частью традиционных взаимных межгосударственных связей, но элементом эффективного развития приграничных территорий, в чем РФ особенно заинтересована [Relph, 2008; Торкунов и др., 2020; Diao, 2021; Kashin, Yankova, 2021; Воронин, 2022].

Наряду с общностью геостратегических интересов двух стран, именно географическая близость территорий (и, соответственно, минимальность транспортных издержек) способна в перспективе «перевесить» многие сохраняющиеся негативные факторы, к которым относятся остающаяся неразвитость транспортно-логистической инфраструктуры Дальнего Востока, отсутствие емкого рынка, излишняя зарегулированность экономической деятельности в области лицензирования и работы таможенных служб обеих стран и др. Китайские авторы полагают, что фундаментальным препятствием для развития пограничного сотрудничества служит несовершенство нормативно-правовой базы, особенно с российской стороны [Понкратова, 2019].

Кроме ключевого фактора расстояний, оптимизации транспортных издержек и повышению конкурентоспособности экономических субъектов в трансграничном пространстве могут способствовать вариативность различных видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, морского, трубопроводного и др.), выбор маршрутов транспортировки, консолидация малогабаритных грузов в один большой груз, экономия затрат на топливо, обслуживание подвижного состава и оплату водителей, сооружение складских помещений и т.д.

В качестве своеобразного «барометра» локального трансграничного сотрудничества двух стран служит сотрудничество дальневосточных субъектов РФ с провинцией Хейлунцзян, не только обладающей относительно совершенной транспортно-логистической системой, но и являющейся одной из баз тяжелой индустрии КНР. Именно она лидирует среди всех провинций во взаимной торговле двух стран, что во многом объясняется колоссальной протяженностью общей границы (2981 км) и обилием пограничных переходов [Кондратюк, 2016]. Здесь имеется прямая железнодорожная и автомобильная связь с российскими портами Владивосток и Ванино и, соответственно, выход в Японское море и Тихий океан. Еще в 2016 году именно провинция Хейлунцзян, в качестве «осевого» пространства, была включена в национальное строительство экономического коридора «Россия – Монголия – Китай». И хотя провинция (с населением около 40 млн чел.) не относится к числу «локомотивов» китайской экономики, она располагает колоссальными возможностями для привлечения инвестиций в экономику соседних Приморского, Хабаровского и Забайкальского краев, Амурской области и Еврейской АО, тем более, что ВРП провинции в несколько раз превышает консолидированный ВРП упомянутых субъектов РФ.

Заключение

Реализацию многомерной трансформационной модели экономики нашей страны с максимальным учетом социальных и геополитических целей в нынешних условиях трудно представить без опоры на региональные программы инновационного развития госкомпаний (такие как Газпром и другие компании энергетического сектора, РАО РЖД, оборонно-промышленного комплекса и др.) и фирмы, ориентированные на развитие государственно-частного партнерства.

В контексте азиатских приоритетов России этот вывод относится прежде всего к Дальнему Востоку, где в сегодняшних реалиях существует слишком много проблем, сдерживающих как российских, так и китайских частных инвесторов от заключения соглашений с государством. Имеются прежде всего в виду малоосвоенность и слабая заселенность территории и неразвитость институциональной среды и т.д. Очень важная деталь обусловлена тем, что многие, значимые для государства объекты ассоциируются с их социальными функциями, фактически не подразумевающими получение прибыли.

К сожалению, значительных географических преференций пока не достигла ни одна из сторон. Китайскую сторону беспокоит, в частности, то обстоятельство, что основными товарами, экспортируемыми из провинции Хейлуцзян в Россию, являются товары с низкой добавленной стоимостью – одежда, текстиль и различные товары легкой промышленности, при этом более 85 % их производится на предприятиях, локализованных в других провинциях. Естественно, что малонаселенность дальневосточных субъектов РФ лимитирует емкость местного рынка, а доставка в европейские регионы ограничивается транспортными издержками и конкурентностью производителей.

Неудовлетворенность российской стороны степенью использования географических преференций объясняется прежде всего низкими масштабами китайских инвестиций, что также во многом связано с тем, что экспортируемые через упомянутые субъекты ресурсы и продукты являются объектами транзитной торговли. Конечно, роль инвестиций Поднебесной не только в регионы Дальнего Востока, но и в Россию в целом до последних лет остается сравнительно скромной, в том числе из-за учета китайскими компаниями санкционных и геополитических рисков. Но эта проблема многоаспектна, требующая более глубокого анализа.

Естественно, внешнеэкономическая переориентация РФ на страны Азии (после безуспешной интеграции в евроатлантическую систему) не ограничивается нашим главным партнером Китаем и нацелена на многие азиатские страны (Индию, Иран и т.д.). В каждом конкретном случае оценка роли пространства (суши и акваторий) в модернизации страны будет базироваться на тщательной сбалансированности экономических эффектов с геополитическими и геоэкономическими интересами федеративного государства.

Список источников

- Вишневский А.Г. 2010. Ловушки консервативной модернизации. Электронный ресурс. URL: <https://polit.ru/articles/nauka/lovushki-konservativnoy-modernizatsii-2010-05-20/> (дата обращения 15.03.2024).
- Караганов С.А. 2024. Сибиризация: Второй поворот России на Восток лежит за «Камнем». Российская газета. Федеральный выпуск, 25(9267). Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2024/02/05/reg-sibfo/sibirizaciia.html> (дата обращения 15.03.2024).
- Китай отказывается от поставок технологий в Россию. 2022. Электронный ресурс. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/kitai_otkazyvaetsya_ot_postavok_tehnologii_v_rossiu/ (дата обращения 15.03.2024).
- Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 196-р от 09.02.2001 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30364/
- Модернизация: зарубежный опыт и Россия. 1994. М., Информат, 115 с.

- Общественная палата раскритиковала стратегию пространственного развития РФ. 2018.: Электронный ресурс. URL :<https://finance.rambler.ru/other/40669085-obschestvennaya-palata-raskritikovala-strategiyu-prostranstvennogo-razvitiya-rf/> (дата обращения 15.03.2024).
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Электронный ресурс. URL: http://www.akkor.ru/sites/default/files/spr_1.pdf (дата обращения 15.03.2024).
- Товарооборот России и Китая в 2023 году побил рекорд. Электронный ресурс. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65a0d3e09a79477823d74f7d> (дата обращения 15.03.2024).
- Явлинский Г.А. 2002. Демодернизация. Современная Россия. М., ЭПИцентр, 29 с.

Список литературы

- Александрова М.В. 2020. Российско-китайское межрегиональное сотрудничество. В кн.: Россия-Китай: шансы и вызовы отношений «Новой эпохи». Владивосток, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук: 200–219.
- Бакланов П.Я., Ларин В.Л. 2023. Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии. *Мировая экономика и международные отношения*, 67(6): 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-5-16>.
- Боровикова К. 2023. Доля РФ в торговле Китая. *Коммерсант*, 241: 2.
- Бризицкая А.В. 2023. Инвестиционное сотрудничество России и Китая: проблемы и развития. *Российский внешнеэкономический вестник*, 1: 108–119. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-108-119>.
- Воронин В.А. 2022. Анализ результатов деятельности межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. В кн.: Глобальные социальные процессы: социальное управление и экономическое развитие в цифровом обществе. Сборник статей, Санкт-Петербург, 17 декабря 2021 года. Санкт-Петербург, Центр научно-информационных технологий "Астерион": 39–54.
- Гемуева К.А. 2021. Торгово-экономические отношения России и Китая: потенциал для качественного сдвига. В кн.: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы XI международной научно-практической конференции, Благовещенск, 11–12 мая 2021. Благовещенск, Благовещенский государственный педагогический университет: 232–238. <https://doi.org/10.48344/BSPU.2021.63.50.016>.
- Глазьев С.Ю. 2015. О несостоятельности проводимой ЦБ РФ монетаристской политики. *Научные труды вольного экономического общества России*, 191(2): 34–39.
- Дискин И.Е. 2009. Кризис... И все же модернизация. М., Европа, 342 с.
- Дунаева Ю.В. 2003. Модернизация в России: основные теоретические подходы. *Политическая наука*, 2: 188–209.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. 2013. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М., Новый хронограф, 548 с.
- Иноземцев В. 2018. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М., Альпина-Паблицер, 406 с.
- Кондратьев К.В. 2016. Инвестиции Китая на Дальний Восток России: проблемы привлечения и основные направления. *Молодой ученый*, 26(130): 321–324.
- Красильщиков В.А. 1996. Зависимость и отсталость в развитии России. *Мир России*. №4.
- Луконин С.А. 2023. Российско-китайские отношения: асимметричное партнёрство? *Вестник МГИМО-университета*, 16(2): 65–86. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86>.
- Луконин С.А., Чже С. 2023. Новая нормальность в АТР: Пекин между Москвой и Вашингтоном. *Analyses & Alternatives*, 7(1): 229–258. <https://doi.org/10.22931/aanda.2023.7.1.008>
- Манченко А.П. 2000. Социальная модернизация в современной России. М., Изд-во НОУ, 215 с.
- Маршалл А. 1984. Принципы политической экономии. Т. II. М., Прогресс, 311 с.
- Минакир П.А. 2001. Системные трансформации в экономике. Владивосток, Дальнаука, 536 с.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н. 2014. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 272 с.
- Минакир П.А. 2016. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? *Пространственная экономика*, 3: 7–15. <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.007-015>

- Минакир П.А. 2018. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики. *Пространственная экономика*, 4: 8–20. <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020>
- Муратшина К.Г. 2017. Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение эволюция, риски. *Вестник Томского государственного университета*, 417: 110–120. <https://doi.org/10.17223/15617793/417/16>
- Перру Ф. 2007. Экономическое пространство: теория и приложения. *Пространственная экономика*, 2: 77–93.
- Понкратова Л.А. 2019. 30 лет трансграничного сотрудничества России и Китая: итоги и новые тренды. В кн.: *Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая*. Кн. 2. М., ИДВ РАН: 146–167.
- Пространственные трансформации в российской экономике. 2002. М., Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 424 с.
- Путин В.В. 2012. Россия и меняющийся мир. Государственная служба. *Вестник координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе президента Российской Федерации в северо-западном федеральном округе*, 1: 99–117.
- Рашковский Е.Б. 1993. Опыт тоталитарной модернизации России (1917–1991) в свете социологии знания. *Мировая экономика и международные отношения*, 7: 105–119. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-1993-7-105-118>
- Смирнягин Л.В. 2016. Судьба географического пространства в социальных науках. *Известия Российской Академии Наук. Серия Географическая*, 4: 7–19. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-4-7-19>
- Сорос Д. 1999. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., ИНФРА: 262 с.
- Сулов Д.В. 2022. Российско-китайская торговля и совместные проекты на Дальнем Востоке России. *Регионалистика*, 9(2): 63–80. <https://doi.org/10.14530/reg.2022.2.63>
- Сухоруков В.Д., Гладкий Ю.Н. 2021. К вопросу о научной экспликации географического пространства. *Региональные геосистемы*, 45(2): 133–143. <https://doi.org/10.52575/2712-7443-2021-45-2-133-143>
- Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. 2020. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы. *Полис. Политические исследования*, 5: 8–21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>
- Умнов В.А. 1996. Пространственные ресурсы, их значение и оценка. *Горный информационно-аналитический бюллетень*, 5: 98–102.
- Фридмен М. 1998. Если бы деньги заговорили. М., Дело: 160 с.
- Фу Ю. 2022. Исследование эффективности совместных инвестиций между Китаем и Россией в контексте изменений в международном промышленном ландшафте. *Российский экономический вестник*, 5(4): 119–126.
- Цзоу Ц. 2022. Перспективные направления российско-китайского экономического сотрудничества на современном этапе. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 4: 156–165. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_4_156_165
- Чжао Ч., Гордячкова О.В. 2021. Прямые инвестиции Китая в экономику Дальнего Востока России. *Российско-китайские исследования*, 5(2): 101–109. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5\(2\).101-109](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5(2).101-109)
- Хайдеггер М. 2010. Что зовётся мышлением? М., Академический Проект, 351 с.
- Шупер В.А. 2011. Развитие теоретических представлений в области пространственного анализа. *Известия Российской академии наук. Серия Географическая*, 3: 7–16.
- Diao X. 2021. Economic Cooperation of the Northeast China and the Far East of Russia Under New Conditions Status, Capacity, and Supply. *Journal of regional and international competitiveness*, 5(4): 44–49. https://doi.org/10.52957/27821927_2021_4_44
- Harvey D. 2006. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London, Publ. Verso, 154 p.
- Hill F., Gaddy C. 2003. *The Siberian Course: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. New York, Brookings Institution Press, 240 p. <https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.6.465>

- Kashin V., Yankova A. 2021. Cooperation Between Russia and China: Overcoming Deep Obstacles. Higher School of Economic Paper. Electronic journal, 42/IR/2021: 1–26.
- Ralph E. 2008. An Inquiry into the Relations between Phenomenology and Geography. Canadian Geographer, 14(3): 193–201. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1970.tb01567.x>
- Seamon D.A. 2023. Phenomenological Perspectives on Place, Lifeworlds, and Lived Emplacement. The selected Writings of David Seamon. Routledge, 294 p. <https://doi.org/10.4324/9781003328223>
- Tuan Yi-Fu. 1977. Space and Place: The Perspective of Experience. University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 58 p.

References

- Alexandrova M.V. 2020. Rossiysko-kitayskoye mezhregionalnoye sotrudnichestvo [Russian-Chinese Interregional Cooperation]. In: Rossiya-Kitay: shansy i vyzovy otnosheniy «Novoy epokhi» [Russia-China: Chances and Challenges of Relations of the "New Era"]. Vladivostok, Publ. Federalnoye gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye nauki Institut Dalnego Vostoka Rossiyskoy akademii nauk: 200–219.
- Baklanov P.Ya., Larin V.L. 2023. The Far Eastern Regions of the Russian Federation in Modern Russian-Chinese Cooperation. The world economy and international relations, 67(6): 5–16 (in Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-5-16>.
- Borovikova K. 2023. Dolya RF v trgovle Kitaya [The Share of the Russian Federation in China's Trade]. Kommersant, 241: 2.
- Brizitskaya A.V. 2023. The Investment Cooperation Between Russia and China: Problems and Directions of Development. Russian Foreign Economic Journal, 1: 108–119 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-108-119>.
- Voronin V.A. 2022. Analiz rezultatov deyatel'nosti mezhpripravitel'stvennoy rossiysko-kitayskoy komissii po investitsionnomu sotrudnichestvu [Analysis of the Results of the Activities of the Intergovernmental Russian-Chinese Commission on Investment Cooperation]. In: Globalnyye sotsialnyye protsessy: sotsialnoye upravleniye i ekonomicheskoye razvitiye v tsifrovom obshchestve [Global Social Processes: Social Management and Economic Development in the Digital Society]. Collection of articles, St. Petersburg, 17 December 2021. St. Petersburg, Publ. Tsentri nauchno-informatsionnykh tekhnologiy "Asterion": 39–54.
- Gemueva K.A. 2021. Trade and economic relations between Russia and China: potential for a qualitative shift. In: Russia and China: the history and prospects of cooperation. Materials of the XI international scientific and practical conference, Blagoveshchensk, 11–12 May 2021. Blagoveshchensk, Publ. Blagoveshchenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet: 232–238 (in Russian). <https://doi.org/10.48344/BSPU.2021.63.50.016>
- Glazhev S.Yu. 2015. On an Inconsistency of the Central Bank of the Russian Federation "Monetarism" Policy. Scientific works of the Free Economic Society of Russia, 191(2): 34–39 (in Russian).
- Diskin I.E. 2009. Krizis... I vse zhe modernizatsiya [Crisis... And Yet Modernization]. Moscow, Publ. Europe, 342 p.
- Dunaeva Yu.V. 2003. Modernizatsiya v Rossii: osnovnyye teoreticheskiye podkhody [Modernization in Russia: Basic Theoretical Approaches]. Politicheskaya nauka, 2: 188–209.
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. 2013. Rossiya, kotoruyu my obreli: issleduya prostranstvo na mikrourovne [The Russia We have Found: Exploring the Space at the Micro Level]. Moscow, Publ. Novyy khronograf, 548 p.
- Inozemtsev V. 2018. Nesovremennaya strana. Rossiya v mire XXI veka [It's Not a Modern Country. Russia in the World of the XXI Century]. Moscow, Publ. Alpina-Publisher, 406 p.
- Kondratyuk K.V. 2016. Investitsii Kitaya na Dalniy Vostok Rossii: problemy privlecheniya i osnovnyye napravleniya [China's Investments in the Russian Far East: Problems Attraction and Main Directions]. Molodoy ucheniy, 26(130): 321–324.
- Krasilshchikov V.A. 1996. Dependence and backwardness in the development of Russia. The World of Russia. No. 4.
- Lukonin S.A. 2023. Russian-Chinese Relations: an Asymmetric Partnership? MGIMO Review of International Relations, 16 (2): 65–86 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86>

- Lukonin S.A., Zhe S. 2023. New Normality in the Asia-Pacific Region: Beijing between Moscow and Washington. *Analyses & Alternatives*, 7(1): 229–258 (in Russian). <https://doi.org/10.22931/aanda.2023.7.1.008>.
- Manchenko A.P. 2000. *Sotsialnaya modernizatsiya v sovremennoy Rossii* [Social Modernization in Modern Russia]. Moscow, Publ. NOU, 215 p.
- Marshall A. 1984. *Printsipy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy]. Vol. II. Moscow, Publ. Progress, 311 p.
- Minakir P.A. 2001. *Sistemnyye transformatsii v ekonomike* [Systemic Transformations in the Economy]. Vladivostok, Publ. Dalnauka, 536 p.
- Minakir P.A., Demyanenko A.N. 2014. *Essays on Spatial Economics*. Khabarovsk, Publ. Institut ekonomicheskikh issledovaniy Dalnevostochnogo otdeleniya RAN, 272 p.
- Minakir P.A. 2016. The National Strategy of Spatial Development: Is It the Conscientious Delusion or Deliberate Simplification? *Spatial Economy*, 3: 7–15 (in Russian). <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.007-015>
- Minakir P.A. 2018. Spatial Development Strategy: a View From the Concepts of Spatial Organization in the Economy. *Spatial Economics*, 4: 8–20 (in Russian). <https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020>
- Muratshina K.G. 2017. The Programme of Cooperation Between Russian far East and Eastern Siberia and Chinese North-Eastern Regions (2009-2018) and Its Role, Evolution and Risks in the Russian-Chinese Cross-Border Interaction. *Herald Tomsk State University*, 417: 110–120 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/417/16>
- Perrou F. 2007. *Ekonomicheskoye prostranstvo: teoriya i prilozheniya* [Economic Space: Theory and Applications]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2: 77–93 (in Russian).
- Ponkratova L.A. 2019. 30 let transgranichnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya: itogi i novyye trendy [30 years of cross-border cooperation between Russia and China: results and new trends]. In: *Problemy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva rossiyskogo Dalnego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaya* [Problems of Trade and Economic Cooperation of the Russian Far East and Northeast of China]. Book 2. Moscow, Publ. IDV RAS: 146–167.
- Prostranstvennyye transformatsii v rossiyskoy ekonomike* [Spatial Transformations in the Russian Economy]. 2002. Moscow, Publ. Institut ekonomicheskikh issledovaniy Dalnevostochnogo otdeleniya RAN, 424 p.
- Putin V.V. 2012. *Rossiya i menyayushchiysya mir* [Russia and the Changing World]. *Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik koordinatsionnogo soveta po kadrovym voprosam. gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele prezidenta Rossiyskoy Federatsii v severo-zapadnom federalnom okruge*, 1: 99–117.
- Rashkovsky E.B. 1993. *Opyt totalitarnoy modernizatsii Rossii (1917-1991) v svete sotsiologii znaniya* [The Experience of Totalitarian Modernization of Russia (1917-1991) in the Light of Sociology of Knowledge]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye*, 7: 105–119.
- Smirnyagin L.V. 2016. The Future of Geographical Space in Social Sciences. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 4: 7–19 (in Russian). <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-4-7-19>
- Soros J. 1999. *The Crisis of World Capitalism. An Open Society is in Danger*. Moscow, Publ. INFRA, 262 p. (in Russian).
- Suslov D.V. 2022. Russian-Chinese Trade and Joint Projects in the Far East of Russia. *Regionalism*, 9(2): 63–80 (in Russian).
- Sukhorukov V.D., Gladkiy Yu.N. 2021. To the Question About the Scientific Explication of Geographic Space. *Regional geosystems*, 45 (2): 133–143 (in Russian). <https://doi.org/10.52575/2712-7443-2021-45-2-133-143>
- Torkunov A.V., Streltsov D.V., Koldunova E.V. 2020. Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects. *The policy. Political research*, 5: 8–21 (in Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>
- Umnov V.A. 1996. *Prostranstvennyye resursy, ikh znachenie i otsenka* [Spatial Resources, Their Significance and Assessment]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten*, 5: 98–102.
- Friedman M. 1998. *Esli by dengi zagovorili* [If Money Would Talk]. Moscow, Publ. Delo, 160 p.

- Fu Yu. 2022. A Study of the Effectiveness of Co-Investment Between China and Russia in the Context of Changes in the International Industrial Landscape. *Russian Economic Bulletin*, 5(4): 119–126 (in Russian).
- Zou J. 2022. Current Promising Areas of Russian-Chinese Economic Cooperation. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 4: 156–165 (in Russian). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_4_156_165
- Zhao Zh., Gordyachkova O.V. 2021. Chinese Direct Investments in the Russian far East Economy. *Russian-Chinese studies*, 5(2): 101–109 (in Russian). [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5\(2\).101-109](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5(2).101-109)
- Heidegger M. 2010. What is Called Thinking? Moscow, Publ.Academicheskiiy Proekt, 351 p. (in Russian).
- Shuper V.A. 2011. Development of Theoretical Notion in Spatial Analyses. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 3: 7–16 (in Russian).
- Diao X. 2021. Economic Cooperation of the Northeast China and the Far East of Russia Under New Conditions Status, Capacity, and Supply. *Journal of regional and international competitiveness*, 5(4): 44–49. https://doi.org/10.52957/27821927_2021_4_44
- Harvey D. 2006. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London, Publ. Verso, 154 p.
- Hill F., Gaddy C. 2003. *The Siberian Course: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. New York, Brookings Institution Press, 240 p. <https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.6.465>
- Kashin V., Yankova A. 2021. Cooperation Between Russia and China: Overcoming Deep Obstacles. *Higher School of Economic Paper. Electronic journal*, 42/IR/2021: 1–26.
- Ralph E. 2008. An Inquiry into the Relations between Phenomenology and Geography. *Canadian Geographer*, 14(3): 193–201. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1970.tb01567.x>
- Seamon D.A. 2023. *Phenomenological Perspectives on Place, Lifeworlds, and Lived Emplacement. The selected Writings of David Seamon*. Routledge, 294 p. <https://doi.org/10.4324/9781003328223>
- Tuan Yi-Fu. 1977. *Space and Place: The Perspective of Experience*. University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 58 p.

*Поступила в редакцию 24.04.2024;
поступила после рецензирования 21.05.2024;
принята к публикации 03.06.2024*

*Received April 24, 2024;
Revised May 21, 2024;
Accepted June 03, 2024*

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладкий Юрий Никифорович, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuriy N. Gladkiy, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia